

А
К.С. Аксаков

Письма о современной литературе

СОДЕРЖАНИЕ

Письмо I-е. Литература предыдущей эпохи

Письмо III-е. Литература современная

Письмо IV-е. Новейшее направления нашей литературы

Письмо 1-ое

ЛИТЕРАТУРА ПРЕДЫДУЩЕЙ ЭПОХИ

О возраст детских лет!
почто ты был не вечный!
И.Дмитриев

Было время, и не так давно, когда другой характер имела наша литература: другие споры, другие книги и журналы. Перемена совершилась в короткое время -- в течение много пятнадцати -- двадцати лет. Впрочем, быстрота перемен составляет характеристику нашей литературы. Откуда же такое явление? Конечно, оно возникло не без причины. Уже с первого взгляда подобная подвижность и легкость не предвещают ничего доброго и становятся подозрительны; мы знаем, что серьезный и самобытный ход иначе движется, что при глубине общего основания нелегко отделяются от одного убеждения и принимают другое. Итак, подобная легкость и переменчивость -- не слишком хороший признак; и точно, он не обманывает. Если мы повнимательнее взглянем в нашу литературу, чем представится она после строго испытующего и долгого взора? -- Явлением не очень утешительным. Литература наша -- произведение искусственное, заемное, вытекшее из ложного начала подражательности; она -- собрание форм, отблесков и более ничего. Вот почему так быстро сменяются формы, не утвержденные на прочной мысли, почему переливаются отсветы и отблески, лишенные собственного света и блеска. Мы говорим теперь не об отдельных талантах, но об общем ходе литературы, которого не изменяют, которому повинуются и таланты. Да, надо признаться, литература наша -- явление вовсе не серьезное, как бы писатели ни морщили бровей и ни принимали задумчивого самоуглубленного вида: мрачного а la Вьгон, вдохновенного а la Шиллер, спокойного а la Гёте, меланхолического а la Вианд и пр., и пр. И до тех пор будет литература у нас несерьезна, пока не оставит ее жалкая подражательность, а она не оставит ее, пока не пробудится в ней самобытность, а самобытность не пробудится в ней, пока мы будем продолжать быть попугаями и не быть русскими, пока не узнаем настоящим образом русской истории, русского языка, русской жизни и пока не сроднимся вновь с основами русского быта.

Назад тому 15 -- 20 лет и книги, и альманахи, и журналы толковали то же, но не о том, о чем теперь толкуют. И вид журналов был не тот, и местоположение их было не то. Журналистика была в то время большим достоянием Москвы, чем Петербурга. Теперь наоборот: теперь вся журналистика в Москве представляется одним "Москвитянином", который несколько раз опаздывал, почти прекращался, а теперь вдруг стал издаваться бодро и аккуратно, ухватившись за коммерчески -- литературные обороты, т. е. издание романов при журнале, помещение целых комедий и т. п. -- Один журнал в Москве! Беглый взгляд, который хотим мы бросить на литературу 30-х годов и позднее, до нашего времени, -- объяснит нам, вероятно, это, по-видимому, странное явление, и оно нам странным не покажется.

Вспомним теперь, о чем толковали журналы и вся литература около, т. е. и прежде и после 30-х годов нашего столетия. Еще невозмутимо и с полным убеждением шли мы по дороге просвещения,